

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

КОМИССИЯ ПО ИСТОЧНИКАМ ИСТОРИИ ГРУЗИИ
საქართველოს ისტორიის წყაროების კომისია

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ

11

ПАМЯТНИКИ ГРУЗИНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МЕЦНИЕРЕБА“

ЯКОВ ЦУРТАВЕЛИ

МУЧЕНИЧЕСТВО ШУШАНИК

Перевод В. Д. ДОНДУА

Введение и примечания З. Н. АЛЕКСИДЗЕ

ТБИЛИСИ 1978

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

З. Н. Алексидзе, В. Н. Габашвили, Н. С. Джанашиа (*зам. главного редактора*), Ш. В. Дзидзигури (*главный редактор*), И. С. Долидзе, С. Г. Каухчишвили, Р. К. Кикнадзе (*зам. главного редактора*), Т. А. Меликишвили, Е. П. Метревели, Э. В. Хоштария

Редактор серии и тома Р. К. КИКНАДЗЕ

Публикуется древнейший дошедший до нас памятник грузинской оригинальной литературы, содержащий ценные сведения по социально-экономической и политической истории Восточной Грузии второй половины V в.

На авантитуле указан общий порядковый номер изданий комиссии по источникам истории Грузии.

ОТ РЕДАКТОРА

Комиссия по источникам истории Грузии при Президиуме АН ГССР приступает к публикации переводов на русский язык памятников грузинской исторической литературы. Издание осуществляется на основе специально разработанных научных принципов, учитывающих накопленный предыдущими поколениями ученых богатый опыт и требования современной теории перевода, а также специфические особенности грузинских исторических сочинений и интересы читателя, не владеющего грузинским языком. Издание переводов, безусловно, будет способствовать более глубокому и всестороннему изучению грузинских письменных источников и неизмеримо расширит сферу их использования исследователями.

Неслучаен тот факт, что серия переводов наших публикаций открывается памятником, 1500-летие которого широко отмечается в текущем году. Выдающееся творение священника Якова не только высокохудожественное агиографическое произведение, но и первостепенный исторический источник. Написанное наблюдательным и мудрым современником и очевидцем «Мученичество Шушаник» содержит выразительный рассказ о важных событиях, происходивших в Картли в 60—70-х гг. V века, и является ценным первоисточником по истории эпохи.

Предлагаемый в настоящей публикации перевод выполнен еще в 1954 году замечательным грузинским ученым В. Д. Дондуа (1895—1969). Рукопись перевода, почти четверть века хранившаяся в архиве ученого, была подготовлена к печати и издается к юбилею этого замечательного произведения.

«МУЧЕНИЧЕСТВО ШУШАНИК» СВЯЩЕННИКА ЯКОВА

Грузинская литература празднует свое 1500-летие. Одновременно, свое пятнадцативековое существование отмечает и одна из самых плодотворных отраслей древнего грузинского художественного мышления — агиография (описание житий и мученичеств святых).

Политическая и идеологическая жизнь Грузии оказалась плодородной почвой для агиографии. Процесс ее развития не прекращался на протяжении V—XVIII веков, так как в этот промежуток времени у грузинской церкви не было недостатка ни в национальных мучениках, ни в необходимости преподать своей пастве уроки самоотверженности и самопожертвования.

Враги Грузии почти всегда были и врагами ее веры. Поэтому жанр «мученичества», наряду с жанром «жития», сопутствовал агиографической литературе вплоть до последних дней ее существования.

Начальный (кименый) этап грузинской оригинальной агиографии, с точки зрения современного читателя, по своей художественной и исторической ценности, значительно отличается от агиографической литературы тех стран, где этот жанр церковной письменности возник уже после, вследствие деятельности в Византии Симеона Метафраса и Иоанна Ксифилина (зарождение метафрасной агиографии).

В странах развитого христианства Ближнего Востока древнейшие агиографические произведения еще не подчинены строгому трафарету, так как агиографический шаблон еще не успел сложиться. К числу таких нешаблонных памятников относятся лучшие произведения древнегрузинской оригинальной агиографии.

В большинстве случаев агиограф описывает жизнь реального человека; если же личность его героя наделена особыми, выдающимися качествами, то он своей индивидуальностью оставляет след в памяти современников, что находит отражение и в произведении. Такой эффект усиливается, если автор является очевидцем подвижничества и мученичества своего героя и ему достает таланта распознать его неповторимые черты.

Именно таковым является произведение, которое в грузинской художественной и исторической прозе по праву занимает первое место как хронологически, так и по своим литературным достоинствам.

По-видимому, «юношеский» возраст грузинской агиографии V века, свобода от трафаретов и строгих церковных шаблонов, позволили священнику Якову достичь особой художественной и исторической правды.

Высокий художественный уровень повествования и яркая индивидуальность героев грузинской версии «Мученичества Шушаник» являются дополнительным аргументом в пользу аутентичности произведения.

Следует подчеркнуть, что высокий художественный уровень свидетельствует также и о том, что «Мученичество Шушаник» вряд ли было стартовым произведением грузинской словесности.

*
* *

Грузинская версия «Мученичества Шушаник» сохранилась в двух редакциях: пространной и краткой. Пространная редакция дошла до нас в девяти рукописях, самая ранняя из которых (неполная) датируется X веком, остальные — XVII—XIX веками.

Пространная редакция — оригинальное грузинское произведение. Краткая редакция является составной частью одного из много главов XI века и переведена с армянского.

Армянская версия «Мученичества Шушаник» также сохранилась в пространной и краткой редакциях. Общим источником для обеих редакций послужила пространная грузинская версия.

Грузинская версия «Мученичества Шушаник» издавалась, несколько раз. Критическими являются следующие издания: 1. С. Горгадзе, Священник Яков, Мученичество святой Шушаник, Кутаиси, 1917. 2. И. В. Абуладзе, Яков Цуртавский, Мученичество Шушаники, Тбилиси, 1938. 3. Памятники древнегрузинской агиографической литературы, под руководством и редакцией И. В. Абуладзе, Тбилиси, 1963, стр. 11—29 (В настоящей публикации на полях перевода указаны страницы этого издания).

До настоящего издания, сочинение священника Якова дважды переводилось на русский язык: 1. М. Сабинин, Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. I, СПб., 1871. 2. К. С. Кекелидзе, Памятники древнегрузинской агиографической литературы, Тб., 1956. (Второе издание: К. С. Кекелидзе, Этюды по истории древнегрузинской литературы, XII, Тб., 1974).

«Мученичество Шушаник» переведено также на латинский и английский языки. Латинский перевод: P. Peeters, Sainte Sousanik, martyre en Arméno-Géorgie: „Analecta Bollandiana“, t. LIII, fasc. III — IV, Br. 1935. Английский сокращенный перевод: D. M. Lang. Lives and Legends of the Georgian Saints, London, 1956, p. 44—56.

*
* *

Конец IV века и весь V век для стран Кавказа оказались роковыми. В 387 году Византия и Иран поделили между собой Армению. Воспользовавшись этим, Иберия вернула себе Гугаретское питиахство.

Гугаретский эристав стал питиахшем Картли и в государственной иерархии занял второе место после царя.

В 428 году пала в Армении власть последних Аршакидов, а в 443 году царская власть прекратила существование и в Албании. Лишь Картли сохранила государственный суверенитет до 20-х годов VI-го столетия.

Последние четыре десятилетия V века для Картлийского царства были годами больших политических свершений: под предводительством Вахтанга Горгасала Картли

объединила Восточную и Западную Грузию почти в тех же границах, как это позднее более прочно удалось сделать только в XI—XII веках.

Первое единение феодальной Грузии породило «Мученичество Шушаник» священника Якова, второе — «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели.

К середине V века попытки Ирана отнять у стран Кавказа их национальную самобытность, превратив их в свою безликую провинцию, достигли кульминации. С этой целью были использованы все средства: переброска грузинских, армянских и албанских конниц в Среднюю Азию для участия в длительных военных операциях, перепись населения с целью отягчения налогов, обложение церквей данью, назначение иранских чиновников на высокие должности светских и идеологических правителей, насильственное распространение огнепоклонства и т. д.

Одним из главных этапов этого коварного плана было отозвание представителей знати этих стран к Иранскому двору для принятия маздеизма.

Во главе армянских феодалов в это время стоял спарпет Армении Вардан Мамиконян. Предводителем грузин был питиахш Картли — Аршуша. По сведениям армянского историка V века Лазара Парпеци, Вардан и Аршуша были свойственниками, как это часто имело место между грузинскими и армянскими феодалами: Аршуша был женат на Анушврам, сестре Дзвик — жены брата Вардана hМаяка Мамиконяна из рода Арцрунов.

Высшая знать Картли, Армении и Албании для видимости приняла маздеизм, с целью усыпить бдительность Иранского двора и подготовить восстание. Несмотря на это иранский шах Иездигерд II (438—457) им полностью не доверился и оставил у себя заложников, в числе которых был один из самых влиятельных лиц на Кавказе — питиахш Картли — Аршуша.

Восстание 451 года потерпело поражение. На поле битвы пали его предводители Вардан и hМаяк Мамиконяны. Вернувшись в 455 году из Ирана, Аршуша не оставил без присмотра малолетних сыновей своего свояка hМаяка (Вахана, Васака и Арташеса), выпросил их у Иездигерда и забрал на воспитание в свою резиденцию — город Цуртави, вместе с их матерью и всем домом.

Ровно через десять лет с этого момента, в Цуртави произошла трагедия, описанная священником Яковом в «Мученичестве Шушаник».

*
* *

В «Мученичестве Шушаник» повествование идет от первого лица. Читатель постоянно ощущает зримое или незримое присутствие автора. Из текста явствует, что рассказчик, некий священник Яков, — духовный наставник царицы Шушаник.

Вот, несколько характерных мест из повести: «Придворный епископ питиахша, по имени Апоц, находился в отлучке, его-то сопровождал я, духовник царицы Шушаник» (§ III). «Пока мы были заняты такой беседой, явился некий отрок и стал спрашивать: «Здесь ли Яков?» А я спросил его: «Что хочешь?». Тот ответил: «Питиахш требует его к себе». Это удивило меня: «Зачем он требует меня в такое время?» (§ VII).

Конечно, для восстановления биографии священника Якова, содержащиеся в тексте «Мученичества» сведения недостаточны, но других данных о нем в грузинской письменности не сохранилось.

Некий Яков, цуртавский епископ, дважды упоминается в «Книге посланий» (на древнеармянском языке), которая содержит материал о церковном споре, происшедшем в начале VII века между армянами и грузинами. Впервые об этом цуртавском епископе упоминает католикос Картли Кирон, в числе 11-ти цуртавских епископов со времен

Шушаник. Во второй раз имя Якова встречается в списке грузинских епископов, участников Двинского церковного собора 506 года¹.

В свое время было высказано предположение, что священник цуртавской церкви Яков, мог позднее стать епископом, что дало повод специалистам отождествить автора «Мученичества Шушаник» с упомянутым в «Книге посланий» Яковом Цуртавским².

Думается, что для такой идентификации нет достаточного основания: 1. Яков везде называет себя священником (хуцеси), что свидетельствует о том, что в процессе создания сочинения, он не поднимался выше этой ступени. Когда писалось «Мученичество Шушаник» (до 484 года), Цуртавскую кафедру, без всякого сомнения, занимал, если не Апоц, то Гарник, или Сахак. 2. Согласно «Книге посланий», начиная со времен Шушаник до конца VI века, в Цуртави сменилось 11 епископов, первым из которых был знакомый нам по «Мученичеству» — Апоц, а пятым некий Яков. Апоц был епископом в 60—70-х годах V века, Яков — в 506 году. С начала событий, в которые была вовлечена Шушаник, до 506 года прошло ровно 40 лет. Трудно представить себе в 465 году личного духовника царицы настолько молодым (к этому времени Яков уже давно занимал пост придворного священника питиахша), чтобы спустя 40 лет, он все еще мог претендовать на сан епископа.

Обилие и точность интимных деталей, искренность эмоций, непогрешимость хронологии, четкость в описании среды и ситуаций свидетельствуют о том, что описание мученичества с позиции рассказчика для священника Якова не есть лишь литературный прием. Он действительно является очевидцем и участником событий, приключившихся с Шушаник. Все это не только усиливает веру читателя в подлинность произведения, но и втягивает его в перипетии сюжета настолько, что заставляет переживать трагедию так же, как переживал ее очевидец.

Священник Яков по национальности грузин, о чем в первую очередь свидетельствует его язык: поразительно естественный, лаконичный и точный, по духу и стилю подлинно грузинский. Ни один из существующих переводов, в том числе и предлагаемый в настоящем издании, не может дать иноязычному читателю полного представления о высоком художественном уровне оригинала. Этот факт, наряду с другими данными, является дополнительным аргументом в пользу первичности грузинской версии.

*
* *

Прошло немного времени после мученичества Шушаник и священник Яков взялся за его описание. Возможно, автор делал соответствующие заметки и в течение тех восьми лет, когда разворачивалось описанное в произведении событие. Такое предположение не лишено оснований, так как согласно тексту, Яков решил описать судьбу Шушаник сразу же после ухода царицы из дому: «И присовокупил я тайно: «Скажи мне, что у тебя на душе, чтобы знать мне об этом и суметь описать твоё труженичество». Она спросила: «Почему спрашиваешь об этом?» Я задал вопрос: «Твердо стоишь за свои убеждения?» Она сказала: «Не быть тому, чтобы я стала сообщницей Варскена в (преступных) его делах и грехах». Тогда я сказал: «Он жестокого нрава. Он подвергнет тебя избиению, великим истязаниям» (§ III).

Возможно, что в предсказаниях Якова в какой-то мере отразился уже свершившийся факт, но то, что описание судьбы Шушаник им было задумано заранее и подготовлен соответствующий материал, явствует хотя бы из явно документальных диалогов, характерных деталей и реалистичности эмоций. В качестве примера можно привести один отрывок: «Некий диакон, служивший при епископе, оказался рядом с Шушаник в то самое

¹ Книга посланий, армянский текст с грузинским переводом издал З. Н. А л е к с и д з е, Тбилиси, 1968, с. 89, 97.

² И. В. А б у л а д з е. Яков Цуртавский, Мученичество Шушаники, (на груз. яз.), с. 060.

время, когда ее выводили из дворца. Пожелал он сказать ей (в напутствие): «Стойко держись!» Но так как питиахш вдруг бросил на него взгляд, то он успел произнести лишь «Стой...» и поспешно убежал» (§ IX).

Специалистами высказано предположение, что «Мученичество Шушаник» сохранилось до наших дней не совсем в том виде, в каком оно вышло из под пера автора. Тексту должно недоставать какой-то части в самом начале повествования. Первая же фраза: «Теперь я вам поведаю истинную повесть о кончине святой и блаженной Шушаник», дает исследователям основание предполагать существование вводной части рассказа, что подтверждается словами Якова о том, что Шушаник была: «женщина с детства богобоязненная, как уже было сказано»³.

Эта, вводная, часть произведения или утеряна, или позднее сокращена редакторами, считавшими обязательным описание только ситуации самого мученичества.

Высказано и другое предположение, в частности, что у священника Якова было еще одно «историческое произведение, в котором он мимоходом касался смерти Шушаник, как это мы видим теперь в истории Вахтанга Горгасала»⁴.

Произведению недостает тех эпизодов из жизни Шушаник, которые сохранились в армянской версии.

Это касается, в частности, третьего мученичества Шушаник и эпизода смерти ее сына, утонувшего в реке. Место этого второго эпизода, думается, в XII параграфе произведения. Священник Яков пишет: «Тем временем блаженной Шушаник сообщили: «(Питиахш) обратил твоих детей в веру магов». Она стала возносить молитвы богу с великим плачем, биться головой о землю. Она сказала со вздохом: «Благодарю тебя, господи боже наш, потому, что они были не мои, они были даны мне тобой. Как угодно тебе, да будет воля твоя» (§XII). В описанной ситуации благодарить бога и перепоручать ему своих детей в устах мученицы звучало бы несколько цинично. Шушаник как бы упрекает бога, говоря ему: пеняй, мол, на себя, если дети твои поклоняются не тебе, а огню. Создалось бы совершенно иное впечатление, если бы Шушаник обратилась к богу с благодарственными словами, узнав о гибели сына, а не о его обращении в маздеизм, приблизительно так, как это сохранилось в тексте армянской версии: «Один из отроков упал в реку, ввергнув в великую скорбь питиахша и всю страну. А блаженная царица узнав, благодарила бога, говоря: «Правда плоть его умерла, но душа избегла западни отца-отступника»⁵.

В «Мученичестве Шушаник» встречаются также поздние вставки и изменения.

Считается, например, что к их числу относится замена грузинского наименования одного из месяцев древнегрузинского календаря („სოფლისაჲ“), римским названием месяца — «октябрь», глосса об упоминании Козьмы и Дамиана 17-го октября и т. д.⁶

Учитывая все эти детали, можно, по-видимому, согласиться и с предположением о позднейшей вставке описания чудес, совершенных царицей Шушаник еще при жизни.

Из композиционного анализа текста явствует, что рассказ о посещении «мужьями и женами» святой Шушаник в крепости, куда она была заключена, и история исцеления немощных, механически вставлены в прерванное повествование и не вяжутся с развитием сюжета. Высказано предположение, что вставка сделана в IX—XII в.в., когда усилился культ национальных святых в Грузии⁷.

³ И. А. Дж а в а х и ш в и л и . Древнегрузинская историческая литература: Сочинения, VIII, Тбилиси. 1977. стр. 64 (на груз. яз.); К. С. К е к е л и д з е . История грузинской литературы. Тбилиси, 1960, с. 115 (на груз. яз.); Его же: Памятники... Этюды. XII. с. 85

⁴ К. С. К е к е л и д з е . Памятники... Этюды. XII, с. 85.

⁵ И. В. А б у л а д з е . Яков Цуртавский, Мученичество Шушаники, с. 23.

⁶ К. С. К е к е л и д з е . Памятники... Этюды. XII. с. 85.

⁷ Г. В. А б р а м и ш в и л и . К вопросу датировки стенописи главного храма монастыря Удабно в Давид-Гаредже, «Мацне», № 5, 1970, с. 219—222 (на груз. яз.).

Такая постановка вопроса очень важна, в первую очередь, с точки зрения источниковедения, так как «Мученичество Шушаник» — единственное раннее агиографическое произведение, где святая творит чудеса еще при жизни: исследователь получает важную точку опоры общехронологического характера для разграничения периодов в развитии агиографии.

Однако, следует учесть, что уже к концу X века историк Ухтанес располагал текстом с описанием чудес⁸.

*
* *

Шушаник была дочерью армянского спаспета Вардана Мамиконяна — героя армянского восстания 451 года. О ее детстве нам ничего не известно, но священник Яков был о нем осведомлен. В «Мученичестве Шушаник» он пишет: «Женат он (Варскен — З. А.) был на дочери армянского спаспета Вардана, о ком я пишу для вас, женщины с детства богобоязненной, как уже было сказано». Как видно из цитаты, Яковом было описано детство царицы, возможно, только в нескольких строках, но все же в них, по-видимому, содержалось больше сведений, чем в дошедшем до нас тексте.

Какова дата, хотя бы приблизительная, рождения Шушаник? Высказано предположение, что Шушаник старшая дочь Вардана Мамиконяна и родилась она в 409 году⁹. Дата эта условная и опирается на также условно датированную последовательность событий. За исходную принимается приблизительно вычисленная дата рождения деда Вардана Мамиконяна, католикоса Сахака — 348 год. Каждое последующее поколение предположительно отделено от предыдущего приблизительно на 20 лет; таким образом: Вардан должен был родиться в 388 г., жениться в 408 г., в 409 г. у него, по этой относительной хронологии, должна была родиться дочь — Шушаник, в 410/411 г. — вторая дочь, по имени Вардануш; в 451 году Вардан погиб в Аварайрском сражении.

Из приведенной хронологии достоверна лишь одна дата — год гибели Вардана Мамиконяна — 451. Остальные даты, по-видимому, следует пересмотреть, исходя из следующих данных:

1. В 451 году в Аварайрском сражении Вардан Мамиконян возглавлял армянское войско. Трудно поверить, что героические деяния, описанные историком, почти современником полководца, относятся к 63-летнему старцу: «С великой мощью бросился он туда, и прорвав правое крыло персидского полка, ударил на зверей и, окружив кольцом, избивал их тут же на месте». «А доблестный Вардан со своими храбрыми соратниками немалое побоище произвел там, в том месте, где и сам он удостоился принять священное мученичество»¹⁰.

2. Жертвой восстания 451 года стал и младший брат Вардана — hМаяк Мамиконян. У него осталось четверо детей, которые, по сообщению их сверстника, впоследствии историка — Лазара Парпеци — в 455 году были еще малолетними. Младший из них, Вард, был настолько мал, что остался с кормилицей в Тао, а трое остальных, будучи также «очень маленькими», в 451 — 455 годах были взяты Аршушей питиахшем в Картли на воспитание. Старший сын hМаяка — Вахан — по показанию того же Лазара Парпеци, и после 455-го года забавлялся детскими играми. Совершенно очевидно, что к этому времени ему было меньше 15 лет и рождение его следует отнести приблизительно к дате позднее 440 года. Если допустить, что первенец у hМаяка появился, когда ему было около 20 лет, то сам он должен был родиться приблизительно в 420 году, но в таком случае разница в возрасте между братьями будет равна 30 годам, тогда как их отец — hАмазасп

⁸ У х т а н е с . История отделения грузин от армян, издал З. Н. А л е к с и д з е , Тбилиси, 1975, см. Исследование, с. 391 (на груз. яз.).

⁹ М. О р м а н я н . Азгпатум, I, Константинополь, 1912, с. 446 (на арм. яз.); Р. Ачарян. Словарь армянских личных имен, III, Ереван, 1948, с. 180 (на арм. яз.).

¹⁰ Е г и ш е . О Вардане и войне армянской, перевод И. А. О р б е л и , Ереван, 1971, с. 107—108

— других детей между ними не имел. Таким образом, если придерживаться указанной хронологии, получится, что hМаяк Мамиконян был младше своей племянницы, по крайней мере лет на десять.

3. В произведении священника Якова нигде не подчеркивается возраст героев, но пафос всего повествования таков, что читателю трудно представить Варскена и Шушаник в преклонном возрасте, особенно учитывая их взаимоотношения, причины драмы, раскрытой на фоне семейных отношений. Есть в сочинении, с этой точки зрения, и определенные ориентиры. У Варскена и Шушаник «на восьмом году царствования царя Пероза» (465) были три сына и одна дочь. Они были настолько малы, что даже спустя 8 лет не смогли принять участия в семейном конфликте и в вопросах веры полностью подчинились воле отца. По данным армянской версии «Мученичества», когда из страха перед врагом, пожелали вывезти детей из города, один из них при переходе через мост, упал в воду и утонул. А по тем временам, первенцу женщины, которой далеко за 60, должно было быть, по крайней мере лет 45.

Перед смертью измученная Шушаник обращается к своему деверю Джоджику: «И да воздаст ему бог за то, что так безвременно снял мои плоды, загасил мой светильник и загубил мой цветок, затемнил красоту добродетели моей и унизил мое достоинство» (§XVI). Маловероятно, чтобы автор-очевидец вложил эти слова в уста почти 70-летней царицы.

4. То же самое можно сказать и о возрасте питиахша Варскена. Трудно представить себе старика, перешагнувшего за 70 лет, который с легкостью покрывает расстояние от Цуртави до Дербенда и Ктесифона, то воюет, то охотится вволю. А отъезд человека столь преклонного возраста в Иран с целью женитьбы, и возникшая на этой почве семейная драма (ревность Варскена к жене: если я отправлю ее в Чор, вдруг она там станет женой какого-либо князя) у читателя-современника вызвали бы скорей улыбку, чем сочувствие к героям.

Будь Варскен в 449 — 455 годах 50-и лет, трон питиахша Картли занимал бы он и к царскому двору в Ктесифон отозвали бы именно его, а не его Отца — Аршушу, который к этому времени соответственно был бы уже старцем. Кроме того, как известно из сведений Лазара Парпеци, Варскен по политическим соображениям был убит по приказу Вахтанга Горгасала в 484 году. Сомнительно, чтобы глубокий старец, перешагнувший за 80 лет, мог в политической жизни страны играть столь существенную роль, чтобы царскому двору пришлось прибегнуть к такому крайнему средству.

Так, когда же должна была родиться Шушаник?

Думается, в сочинении имеются некоторые ориентиры для выяснения этого вопроса хотя бы приблизительно.

В одной из бесед Шушаник с ее деверем Джоджиком, выясняется, что они росли вместе при дворе питиахша Аршуши: «Джоджик же (снова войдя), говорил ей с мольбой: «Ты сестра наша, не погуби царицын дом этот твой». А святая Шушаник ответила: «Знаю, что я сестра твоя и что мы с тобой вместе воспитаны» (§ VII). Вот откуда она осведомлена так хорошо о подлинном христианском лице своего свекра, хотя ей несомненно было известно и то, что питиахш Аршуша, будучи в Иране, принял маздеизм.

По этой же причине, Шушаник позволяет себе обратиться к Варскену в следующих выражениях: «Твой отец воздвиг усыпальницы мучеников и церкви. Ты же осквернил богоугодные дела своего отца, изменил его добрым деяниям. Твой отец дом свой превратил в обиталище святых, а ты ввел туда демонов, он исповедовал бога, (творца) неба и земли, он веровал в него, ты же отверг истинного бога и стал поклоняться огню».

Как могла попасть Шушаник в Картли в детстве, до замужества?

Очевидно, это не могло случиться до смерти ее отца Вардана. Малолетнюю Шушаник, по всей видимости, отправили в Цуртави непосредственно после поражения восстания 451 года, дав ей возможность избежать судьбы детей hМаяка Мамиконяна, высланных в Ктесифон. После такого предположения, становится понятным, как

оказалась в Цуртави молочная сестра Шушаник, которую, по тексту, Варскен послал к своей супруге, чтобы склонить ее к возвращению во дворец. Ее, по-видимому, включили в свиту, сопровождавшую малолетнюю Шушаник, подобно тому, как поступили и с сыновьями Маяка, сопроводив его свиту сверстниками из Армении, среди которых оказался и Лазар Парпеци.

Таким образом, по предложенной хронологии, Шушаник родилась в начале 40-х годов V века. В 16—17 летнем возрасте, во второй половине 50-х годов, она вышла замуж за сына питиахша Аршуши — Варскена, а на «восьмом году царствования царя Пероза» ей было приблизительно 25 лет.

*
* *

Шушаник святая мученица как для грузинской, так и для армянской церкви. Армянка по происхождению, она воспитывалась в Грузии, здесь провела большую часть жизни, здесь приняла мученическую смерть и здесь же погребена.

Для грузин женщина-армянка стала символом самопожертвования во имя национальной независимости и веры Грузии.

Как могло случиться, что одну и ту же мученицу к лику святых причислила и монофизитская и диофизитская церковь?

В I веке до нашей эры царь Армении Тигран Великий присоединил к северной части своей обширной империи южные провинции Картли, среди которых было питиахшество Гугарети, где позднее развернулась трагедия, описанная в «Мученичестве Шушаник». Картлийскому царству удалось вернуть эту провинцию полностью лишь в 387 г. н. э. после того, как Византия и Иран поделили между собой Армению. Питиахш Гугарети стал также и питиахшем Картли, заняв в государственной иерархии место непосредственно после царя.

Провинция Гугарети была расположена на границе между Арменией и Грузией. Политически она примыкала то к одной, то к другой стране. По этой причине на ее территории наряду с грузинами жили и армяне.

В цуртавской епархии, по сведению «Книги посланий», в начале VII века, у армянского населения была своя община, с монастырями, монахами, деревенскими священниками.

Армянское население Гугарети состояло из крестьян и дворян. Привилегированный слой особенно разросся и усилился после поражения восстания 451 года, когда армянская знать укрылась в Картли. Ее часть, как известно, позднее вернулась на родину и возглавила освободительное движение страны (Вахан Мамиконян); часть же, вероятно, окончательно обосновалась в Гугарети.

Став супругой гугаретского питиахша, Шушаник особо позаботилась об армянской общине цуртавской паствы, о сохранении для нее национального облика. Нам трудно сейчас судить, ввела ли она сама обычай ведения богослужения в Цуртави наряду с грузинским и на армянском языке, или же это новое правило было установлено уже после смерти Шушаник, в ее честь¹¹. Как бы там ни было в действительности, ясно, что Шушаник собиралась ввести церковную службу на двух языках и если это осуществилось позднее, то была исполнена ее воля. В «Книге посланий» сообщается, что со времен Шушаник в цуртавской епархии установилась традиция обучать юношей, предназначенных в священники, как грузинской, так и армянской грамоте. Начиная с того же времени, цуртавские епископы были обязаны владеть обоими языками. Армянин по происхождению обучался грузинскому языку и письменности здесь же, в грузинской среде, грузин посылался в Армению, так как на месте, по-видимому, соответствующих условий не было.

¹¹ См. Н. С. Джанашиа. Сведения «Книги посланий» о Шушаник, «Мравалтави», VI, Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).

Такое покровительство по отношению к армянской общине цуртавской паствы и забота о сохранении ее национальной самобытности, создали Шушаник большой авторитет среди местного армянского населения.

После мученической смерти Шушаник, культ ее из Гугарети постепенно распространился на всеармянскую церковь. Из переписки глав грузинской и армянской церквей в начале VII века явствует, что Шушаник к этому времени и для армянской церкви уже была святой. Постепенно усыпальница Шушаник в Цуртави превратилась в место паломничества армянских пилигримов.

Но армянская церковь этим не довольствуется. В конце X века она посылает историка Ухтанеса в Цуртави, чтобы он на месте собрал письменные и устные сведения о мученичестве Шушаник.

И действительно, Ухтанес ознакомился здесь с сочинением священника Якова и посетил места мученичества Шушаник. Не исключено, что происхождение армянской версии «Мученичества Шушаник» непосредственно связано с этой миссией¹².

Гугарети оказалась тем пороховым складом, где на рубеже VI—VII веков вспыхнул раскол между грузинской и армянской церквями.

Епископ цуртавский Моисей (по происхождению армянин) и армянская община его епархии не поддержали халке-донитскую и провизантийскую ориентацию грузинской церкви, усмотрев в ней попытку энергичного проведения грузинской национальной политики. Католикос Картли Кирон, по-видимому, задан целью подвергнуть ассимиляции смешанное население Гугарети и изъять армянский язык из богослужения, хотя говорить об этом открыто он избегал. Ему было прекрасно известно, что введение армянского богослужения в цуртавской церкви связывалось с именем Шушаник и пока ее могила оставалась местом паломничества армянских пилигримов, осуществление задуманной им политики в Гугарети было бы затруднено. Поэтому, вполне вероятно, что устное предание о перенесении католикосом Картли Кирином праха Шушаник в Тбилиси, соответствует истине, хотя армянская церковь противопоставила этой версии свое предание о перенесении праха Шушаник не в Тбилиси, а в Ахпат. Так или иначе, согласно обеим версиям, в какой-то период прах Шушаник из Цуртави был перенесен. Вопрос состоит в том, когда это произошло и что послужило тому причиной? Если верить сведениям историка Ухтанеса, то в конце X века в Цуртави все еще показывали место упокоения Шушаник, где он бывал не раз и сам. Но известно немало случаев, когда после перенесения праха мученика в другое место, старая могила сохраняла прежнее, порой большее значение, чем место нового упокоения.

Таким образом, разрыв, происшедший между грузинской и армянской церквями, связан с именем Шушаник. Для армян, живших в Грузии, она стала символом армянского родного вероисповедания, а место ее упокоения его материальным воплощением. Грузинская церковь попыталась убрать этот символ, но так, чтобы ни в малейшей степени не омрачить памяти святой. Напротив, она поставила мученицу в первый ряд грузинских национальных святых. Для этого, по-видимому, имелись, по крайней мере, две причины: во-первых, борьба Шушаник против принятия ее мужем и семьей маздеизма при тогдашнем международном положении грузинского государства, реально означала также и борьбу за грузинскую национальную независимость и грузинская церковь должным образом оценила это самопожертвование. Во-вторых, причисление Шушаник к лику грузинских святых снимало необходимость существования именно армянского богослужения на месте ее усыпальницы.

Но все это — национальные вопросы, имеющие и свою идеологическую основу.

Армения и Картли приняли христианство почти одновременно (в начале IV века). По кавказской традиции просветители обеих стран были тесно связаны друг с другом. Фактически они представляли два разветвления одной миссии.

¹² У х т а н е с . История отделения грузин от армян, с. 74—78. 382—393.

Провозгласив христианство государственной религией, страны Кавказа противопоставили себя зороастрийскому Ирану, а позднее на протяжении целых десяти веков, оказались почти изолированными в мусульманском окружении.

Но в процессе борьбы за приоритет на Кавказе, необходимость в самообороне от взаимовлияния, требовала выработки внутри общей идеологии, определенных различий. Поэтому Картли и Армения из тех ответвлений христианства, которые возникли в V веке в недрах восточной церкви, выбрали разные течения.

Армяне, приняв христианство, тем самым не только противопоставили себя Ирану, но, выбрав его восточный вариант — монофизитство — отмежевались и от Византии, потеряв при этом сильного союзника-единоверца. Зато армянская церковь приобрела целиком национальный характер, смогла заменить собой утерянную государственность, а позднее объединить армянскую диаспору во всем мире.

В кавказоведении распространена точка зрения, что с 451 года вплоть до начала VII века официальной верой грузинской церкви было монофизитство и идеологическое единство с армянской церковью осуществлялось на этой основе.

Наличие культа Шушаник в обеих церквях служит как бы подтверждением этого тезиса, но тот же факт его же и отрицает: почему грузинская халкедонитская церковь не постаралась стереть следы своего монофизитства и не отреклась от общих с армянской церковью святых?

Дело в том, что, по мнению халкедонитской историографии, двинский католикосат принял монофизитство лишь на втором местном (двинском) церковном соборе 551 года. До этого времени армянская церковь, так же как и картлийская, была православной. Поэтому грузинская, и вообще халкедонитская, церковь признает всех тех церковных деятелей и святых, которые подвижничили в Армении до 551 года. По этой же причине она не боится обвинения в монофизитстве на том основании, что в этот период у нее окажутся общие с армянской церковью, святые.

Но это был субъективный взгляд грузинской церкви на церковную историю стран Кавказа. Каковыми же были реальные обстоятельства?

Как указывают исторические источники, во второй половине V века страны Кавказа были настолько поглощены борьбой против Ирана и маздеизма, что в монофизитско-диофизитской полемике не принимали никакого участия. Спор этот достиг наших стран только к началу VI века и то на уровне примиренческого «hЕнотикона» византийского императора Зенона.

Таким образом, мученичество Шушаник и возникновение ее культа совпали с нейтральным отношением кавказской церкви к спору между монофизитами и диофизитами.

Сама мученица оказала большую услугу с одной стороны грузинской национальной церкви в ее борьбе против маздеизма, с другой же армянской церкви в укреплении армянской общины цуртавской епархии. Благодаря этому Шушаник приобрела имя всекавказской святой. Но так как в агиографии отразилась только ее заслуга перед грузинской церковью, то в списке национальных героев Шушаник оказалась только в Грузии, что лишний раз доказывает первичность грузинской версии произведения священника Якова.

Сегодня уже трудно представить себе конкретно, что происходило в Картлийском царстве в 60—70 годах V века. Ясно одно: сановник первого ранга, правитель важнейшей пограничной провинции — Варскен — стал на путь децентрализации государства.

В произведении священника Якова царь Картли вообще нигде не фигурирует. Варскен предстает перед читателем полновластным правителем своей страны. Он самостоятельно устанавливает внешнеполитические контакты, принимает участие в дальних походах и т. д.

Высказано предположение, что с целью достижения полной независимости, Варскен воспользовался пребыванием Вахтанга Горгасала в ту пору в Иране¹³. Так или иначе, перед восстанием против Ирана в 484 году Вахтанг Горгасал приказал умертвить Варскена, несомненно по той причине, что тот мешал делу объединения Грузии и борьбе за национальную независимость.

Нам неизвестно, сознавала ли Шушаник, что благодаря своему мученичеству, оказалась в самой гуще политических коллизий. Однако, ясно, что женщина-армянка оказалась в стане павших в борьбе за единое грузинское национальное государство и за единую грузинскую национальную церковь.

По-видимому, Шушаник и Варскен были первыми жертвами общекавказского восстания, начатого под предводительством Вахтанга Горгасала. Однако Шушаник стала символом борьбы за национальную независимость и осталась им навеки, Варскену же выпало на долю встретить приговор современников и истории в качестве предателя родины и веры отцов.

*
* *

Произведение священника Якова шедевр художественного мышления средневековой Грузии. К сожалению, перевод не в состоянии отразить поразительную лаконичность его фразы, сдержанную экспрессию, непосредственность повествования, богатство подтекста.

Благодаря мощи и простоте языка, оно по сей день воспринимается как эталон грузинской прозы, связующее звено между новой и древней грузинской литературой. Но гениальность сочинения священника Якова не ограничивается совершенством формы.

Отраженная в нем действительность и взаимоотношения между героями не только высокохудожественны, но и безупречны с исторической точки зрения. Это счастливое совпадение дает историку возможность, использовать «Мученичество Шушаник» как первоисточник для воссоздания раннего этапа истории феодальной Грузии. Произведение содержит богатейший материал для исследования политического, социального и идеологического положения, структуры церкви и феодального дома, семейного быта, обычного права и многих других сторон истории Грузии V века.

Полное раскрытие подтекста «Мученичества Шушаник» все еще остается задачей будущих поколений, исследователей культуры и истории Кавказа.

¹³ К. С. К е к е л и д з е. Памятники... Этюды, XII, с. 185.

[11]* Теперь я вам поведаю истинную повесть о кончине святой и блаженной Шушаник.

I

Это было восьмое лето царствования персидского царя [Пероза]¹, когда *питиахи*² Варскен, сын Аршуши³, отправился к царскому двору⁴.

Рожденный от родителей христианской веры, Варскен сначала сам исповедовал христианство. Женат он был на дочери армянского *спасета*⁵ Вардана⁶, о ком я пишу для вас, женщине с детства богобоязненной, как уже было сказано, носившей имена по отцу — Вардан⁷, а ласкательное — Шушаник⁸. Непрестанно думала она о дурном поведении своего мужа и заклинала всех, творить молитву за него, дабы бог отвратил его от безрассудства и обратил к благоразумию Христову.

Кто может по-настоящему рассказать про это жалкое (существо, трижды несчастного, вконец обреченного Варскена, описать, как он отказался от упования на Христа! Или кто не стал бы его оплакивать как человека, никогда не испытавшего ни горя, ни страха, ни силы меча, ни горечи заточения во имя Христа.

Когда предстал он перед царем персидским, не то чтобы стал добываться почета, напротив того, он принес в жертву [12] царю себя самого: || отрехшись от истинного бога, стал поклоняться огню и сам себя отлучил от Христа. Этот несчастный просил царя выдать за него замуж (персиянку). Этим Варскен хотел угодить царю. Он говорил ему: «Законную жену свою и детей своих также обращаю я в твою веру». То есть Варскен обещал царю совершить дело, которого Шушаник не поручала ему. Царь был рад этому и велел выдать за него замуж царскую дочь.

II

После этого *питиахи* отпросился у персидского царя. Достигнув (на обратном пути) пределов Картли⁹, области *hЕрети*¹⁰, он задумал известить (о своем прибытии), чтобы *азнауры*¹¹ и его дети и слуги вышли ему навстречу, и он вместе с ними вступил в страну как преданный ей (правитель).

Ради этого он выслал вперед своего раба¹² на посольской лошади в селоград¹³, называемый Цуртави¹⁴.

Когда раб прибыл туда, он, предстал перед Шушаник, нашей царицей, и приветствовал ее. А блаженная Шушаник пророчески сказала ему: «Если он жив душой, то пожелаю здравствовать и ему и тебе. Если же вы уже мертвы душой, то твое приветствие да возвратится тебе»*. Раб не дерзнул отвечать ей. А святая Шушаник заклинала его сказать истину. Наконец, посланец открыл правду, сказав: «Варскен отверг истинного бога».

Когда услышала это блаженная Шушаник, павши, стала биться головой оземь и с горькими слезами причитать: «Жалейте все несчастного Варскена, он отверг истинного бога, он исповедовал *атрошан*¹⁵, присоединился к безбожным».

[13] Затем Шушаник поднялась, покинула || свой дворец и со страхом божьим направилась к церкви, взяв с собой и своих трех сыновей и дочь. В церкви она поставила их перед алтарем и стала молиться: «Господи боже! Ты мне их даровала, ты же защити их, принявших крещение в святой купели святого духа, чтобы составить едино стадо единого пастыря**, господа нашего Иисуса Христа».

* В скобках указаны страницы в соответствии с пагинацией текста в изд. И. В. Абуладзе, Тбилиси, 1963, с. 11—29 (от ред. Отдела электронных текстов Национальной парламентской библиотеки Грузии).

* Срв. Матф. 10, 13.

** Срв. Иоан. 10, 16.

После того как отслужили вечерню, Шушаник нашла маленький домик близ церкви и вошла туда, полная горести. Она прислонилась в углу к стене и заплакала горькими слезами.

III

(Когда это происходило), придворный епископ *питуахша*, но имени Апоц, находился в отлучке, — ему случилось отправиться в обитель одного святого человека для получения от него совета по некоторому вопросу. Его-то сопровождал я, духовник* царицы Шушаник. Неожиданно к нам явился из дворца диакон и рассказал обо всем происшедшем: о возвращении *питуахша* и о делах царицы. Мы преисполнились печалью и подняли великий плач, охваченные горем от обнаружившихся грехов наших.

Я удалился оттуда раньше (других) и прибыл в село-град, где пребывала блаженная Шушаник. И увидев, что она в безысходном горе, я стал плакать вместе с ней и говорить: «Тебе предстоит, о царица, совершить великий подвиг. Храни веру христианскую, чтобы дьявол** наподобие рака, не нашел в тебе пищу для себя»***. Святая Шушаник ответила мне: «Наставник*, я готова совершить великий подвиг». Я сказал: «Так! будь бодр, терпелива, великодушна!» Она произнесла в ответ: «Одну меня постигло это горе». А я ответил: «Твое [14] горе — наше горе, твоя радость — || наша радость. Ты для нас была не только царицей, ты о всех нас заботилась, как о собственных детях».

И присовокупил я тайно: «Скажи мне, что у тебя на душе, чтобы знать мне об этом и суметь описать твоё труженичество». Она спросила: «Почему спрашиваешь об этом?» Я задал вопрос: «Твердо стоишь за свои убеждения?» Она сказала: «Не быть тому, чтобы я стала сообщницей Варскена в (преступных) его делах и грехах». Тогда я сказал: «Он жестокого нрава. Он подвергнет тебя избиению, великим истязаниям». Она же ответила: «Лучше умереть мне от его руки, чем быть в единении с ним и погубить свою душу. Мне известны слова апостола Павла: «Брат или сестра не связаны, пусть расходятся»****. «Это так!» — сказал я.

IV

Пока у нас шла такая беседа, явился некий перс, предстал перед блаженной Шушаник и стал говорить ей плача: «Как это дом-то ваш, место покоя, вдруг стал несчастным! Там радость сменилась горем!» Между тем перс делал это по указанию Варскена. Он это говорил с лукавством, хотел подкупить её сердце. Но Шушаник разгадала смысл лукавой речи и твердо оградила себя (от обмана).

Три дня спустя *питуахи* Варскен прибыл (в Цуртави). И тот перс тайно доложил ему: «Как мне стало известно, твоя жена отказалась от тебя. Но советую тебе, не говори ей резких слов, так как женщина, по природе, слабое существо»*.

На другой день, когда *питуахи* встал с постели, призвал нас, священников, к себе и, встретив приветливо, молвил: «Не избегайте меня и не гнушайтесь меня!» А мы ответили: «Погубил ты себя, погубил и нас!» Тогда он стал говорить: «Как [15]осмелилась моя жена допустить по отношению ко мне || такую выходку? Отправляйтесь вы к ней и скажите (от моего имени): Ты ниспровергла мое божество и посыпала пеплом мое ложе, ты оставила свое место и удалилась в другое».

(Когда это поручение нами было исполнено,) святая Шушаник ответила: «Не я воздвигла это божество, чтобы я его ниспровергла. А твой отец воздвиг усыпальницы мучеников и церкви. Ты же осквернил богоугодные дела своего отца, изменил его добрым деяниям. Твой отец дом свой превратил в обиталище святых, а ты ввел туда демонов; он

* В тексте — хуцеси, букв. священник, пресвитер.

** В тексте — мтери, букв. враг.

*** Срв. II Тим. 2, 17.

**** Срв. I Корин. 7, 15.

* В тексте букв. — природа женщин узка.

исповедовал бога, (творца) неба и земли, он веровал в него, ты же отверг истинного бога и стал поклоняться огню. А так как ты отверг творца своего, я тоже пренебрегла тобой. Если даже подвергнешь, меня истязаниям, то и тогда не заставишь меня стать соучастницей твоих действий».

Все ею сказанное мы передали *питуахиу*. Это привело его в раздражение, он стал бесноваться.

V

После этого (*питуахи*) решил послать за ней брата своего Джоджика и жену Джоджика, невестку свою, а также придворного своего епископа. Он им наказал: «Скажите ей так: Вернись немедленно на свое место, брось эти мысли! Если нет, то силой приволоку тебя!»

(Посланцы) явились к царице и говорили ей много убедительных слов (в пользу возвращения). Тогда Шушаник сказала им; «Вы, люди мудрые, все это верно говорите. Но не допускайте даже мысли, что я еще могу быть его женой. Я думала обратить его к себе и побудить его исповедовать истинного бога. Вы же понуждаете меня делать другое. Да не случится это со мной! А ты, Джоджик, после этого мне не деверь, а я тебе более не невестка, и твоя жена тоже — мне не сестра. Потому, что все вы держите его сторону, вы — соучастники его действий».

На это сказал ей Джоджик: «Я знаю, что он пришлет своих слуг, и они силой поволокут тебя». А святая Шушаник ответила ему: «Я была бы рада, если он меня связал и так по[16] волок, || так как этим был бы вынесен мне его приговор».

При этих ее словах все стали ронять слезы. Джоджик встал и вышел вон со слезами на глазах. А святая Шушаник сказала епископу: «Как ты можешь советовать мне внять вашим словам, когда он отрекся от бога?» Джоджик же (снова войдя), говорил ей с мольбой: «Ты — сестра наша. Не погуби царицын дом этот твой». А святая Шушаник ответила: «Знаю, что я сестра твоя и что мы с тобой вместе воспитаны. Но я не могу допустить, чтобы было совершено кровавое дело и чтобы все вы оказались повинны в нем».

(Несмотря на это,) так как все настойчиво понуждали ее, встала святая и блаженная Шушаник и, взяв свое Евангелие, с плачем произнесла: «Господи боже, ты ведаешь, что возвращаюсь я, от всего сердца желая умереть». Сказав это, она отправилась вместе с ними, забрав с собой Евангелие свое и святые книга о мучениках.

Достигнув дворца, Шушаник не захотела снова занять свои покои, а устроилась в маленькой комнатке. Здесь она воздела руки к небу и произнесла: «Господи боже, не нашлось для меня никого милосердного ни среди духовных, ни среди мирян. Все предали меня в руки врага божьего Варскена, чтобы он меня умертвил».

VI

Два дня спустя, явился волк этот во дворец и объявил своим слугам: «Сегодня вместе ужинаем я, Джоджик и его жена. Чтобы никто другой к нам не заходил!» Когда же наступили сумерки, позвали на общую трапезу жену Джоджика. А так как Джоджик и его жена пожелали, чтобы все вместе покушали и чтобы к столу была приглашена и святая Шушаник, то в час ужина они пошли за ней. Они хотели ей тоже дать [17] поесть, потому что Шушаник все эти дни || оставалась без пищи. Ее еле уговорили, насилу взяли с собой. Когда увидела жена Джоджика, что за столом святая Шушаник до пищи и не дотрагивалась, поднесла ей стакан вина, понуждая ее выпить. Но святая Шушаник гневно произнесла: «Когда это было, чтобы женщины делили с мужчинами трапезу?!» И она рукой оттолкнула стакан, который расколотился о лицо угощавшей и вино разлилось.

Увидя это, Варскен с непристойной руганью (повалил ее) и стал попирает ногами. Затем, схватив кочергу, нанес ей удар по голове, так что кочерга глубоко врезалась в

череп, отчего у Шушаник один глаз затек. Он безжалостно бил ее кулаками по лицу, таскал за волосы. Неистовствуя, он рычал подобно зверю, выл как бешеный. Джоджик, брат его, поднялся с места, чтобы помочь ей. Варскен в схватке побил и его, а у Шушаник с головы содрал *кубаст*¹⁶. (Наконец Джоджик) с великим трудом вырвал ее у него из рук, отбил как овечку у волка. Как мертвая лежала святая Шушаник на земле, а Варскен осыпал руганью и ее и весь ее род, все ее племя, называя ее разорительницей его дома. Наконец он приказал слугам заключить ее в узы и набить оковы на ноги.

Когда несколько укротилась его ярость, явился к нему тот же перс и стал горячо просить, освободить святую Шушаник от уз. В силу этой убедительной просьбы он велел освободить ее от уз, поместить в одну комнатку под строгую охрану, приставить к ней одного слугу, чтобы никто не мог войти и видеть ее — ни мужчина, ни женщина.

VII

На другой день, как только занялась утренняя заря, *питуахи* справился у слуги, приставленного к Шушаник: «Каково ее состояние после получения ран?» Тот ответил: «Не [18] выживет». Тогда *питуахи* сам || вошел к ней, взглянул и был поражен большими отеками, покрывшими ее. Он дал указание слуге: «Чтобы никто не входил к ней смотреть!» А сам отправился на охоту.

(Улучив время), подошел я к слуге, охранявшему ее, и попросил: «Пусти меня к ней одного, чтобы я мог посмотреть ее раны». Слуга ответил мне: «Если узнает он, убьет меня». А я сказал ему: «Несчастный! Не ею ли ты воспитан? А если даже убьет он тебя из-за нее, ну, так что же?!» После этого он тайно впустил меня. Войдя к ней, увидел я ее лицо, все израненное, совсем опухшее. Возопил я, возрыдал. А святая Шушаник сказала мне: «Не плачь обо мне. Эта ночь явилась для меня началом радости». Я попросил ее: «Позволь мне омыть кровь с твоего лица и промыть тебе глаза — удалить оттуда золу, (которая с кочерги попала); разреши приложить пластырь и снадобье к ранам, авось, заживут за ночь». А святая Шушаник ответила мне: «Наставник, не проси меня об этом. Кровь (которая сочится из моих ран) очищает меня от грехов».

После этого я стал понуждать ее отведать пищи, которую прислали ей епископ Самуил¹⁷ и Иоанн¹⁸, тайно трудившиеся в пользу нее и дававшие ей утешение. На это сказала мне святая Шушаник: «Наставник, я не в состоянии отведать пищи, потому что челюсти у меня разбиты и несколько зубов выломано». Тогда я взял немного вина, размочил в нем хлеба, и она чуть поела.

Я торопился уйти. Тогда святая Шушаник обратилась ко мне с вопросом: «Наставник, не послать ли ему эти украшения, которые от него имею? Как бы он сам не стал требовать.

Они мне в этой жизни больше не могут пригодиться». А я ответил ей: «Не спеши возвращать, пусть будут у тебя».

Пока мы были заняты такой беседой, явился некий отрок и стал спрашивать: «Здесь ли Яков?» А я спросил его: «Что [19] хочешь?» Тот || ответил: «*Питуахи* требует его к себе». Это удивило меня: «Зачем он требует меня в такое время?» И, отправившись спешно, явился я к нему. Он сказал мне: «Известно тебе, священник, что я выступаю войной против гуннов?¹⁹ Принадлежащие мне украшения я не оставляю у нее, раз она не моя жена. Найдется другая, которая будет их носить. Ступай к ней и доставь мне сюда все, что там есть». Я пошел к святой Шушаник и сообщил ей об этом. Она очень обрадовалась, благодарила бога и вручила мне все (украшения), которые я доставил *питуаху*. Он, приняв их из моих рук и перебрав, нашел, что все в целости и снова сказал: «Найдется другая, которая украсит ими себя».

VIII

Когда наступил великий пост, блаженная Шушаник приискала себе маленькую келью около святой церкви и поселилась в ней. Оконце, которое там было, она заделала и, пребывая после этого в темноте, проводила время в посте, молитве и плаче.

Один из приближенных сказал *питиахи*: «Пока стоит великий пост, не говори ей ни слова».

В понедельник пасхальной недели вернулся *питиахи* из похода против гуннов. Дьявол снова стал мутить его душу. Он явился в церковь и обратился к епископу Апоцу: «Выдай мне мою жену. Почему ты разлучаешь нас?» И стал он ругаться и жестоко хулить бога. Тогда сказал ему один священник: «Господин, почему так поступаешь? Почему сквернословил, ругаешь епископа, угрожаешь Шушаник?» Но *питиахи* ударил священника палкой по спине, и тот больше ничего не посмел сказать.

Волоком волочили святую Шушаник по земле, по терниям, из церкви до самого дворца; приволокли ее туда как мертвую. Путь местами был устлан колючками. Между тем как сам [20] (*питиахи*) шагал по ним, || у Шушаник от колючек все тело было изранено, а *кубаст* изорвался в куски. В таком виде ее доставили во дворец. Здесь *питиахи* велел связать ее и подвергнуть избиению. (Когда ее били), он злобствуя, приговаривал: «Вот и не помогли тебе ни твоя церковь, ни пособники твои христиане, ни их господь». Ей было нанесено триста палочных ударов, но у нее не вырвалось ни единого вздоха, ни единого стона. Она только это сказала безбожному Варскену: «Несчастный, ты себя самого не пожалел и отступился от бога, как же ты пожалеешь меня?»

Питиахи, увидев, что по ее нежному телу обильно стекала кровь, приказал наложить ей на шею цепи, а постельничему велел отвести ее в крепость и заключить в темницу, где она и должна была умереть.

IX

Некий диакон, служивший при епископе, оказался рядом с Шушаник в то самое время, когда ее выводили из дворца. Пожелал он сказать ей (в напутствие): «Стойко держись!» Но так как *питиахи* вдруг бросил на него взгляд, то он успел произнести лишь «Стой...» и поспешно убежал.

Святую Шушаник повели (в крепость)²⁰. Вели ее босоногую, с распущенными волосами, как какую-нибудь простую женщину. Никто не смел прикрыть ей голову, потому что *питиахи* ехал вслед, осыпая ее всякой руганью.

Святую сопровождала многочисленная толпа, великое множество женщин и мужчин, которые следуя за ней, оглашали воздух воплями, рыдали, царапали себе щеки, жалостливо проливая слезы о святой Шушаник. А она, оглянувшись назад, сказала народу: «Не плачьте, братья мои, сестры мои [21] || дети мои! Поминайте меня в своих молитвах. Ухожу я от вас навсегда. Не увидите вам больше меня, живой не выйти мне из темницы». *Питиахи*, видя толпу и плач мужчин и женщин, стариков и детей, сидя на лошади, стал кидаться на людей и разгонять их.

Когда достигли моста у крепости, *питиахи* сказал святой Шушаник: «Тебе вот только этот путь дано пройти пешком, потому что ты живой не выйдешь из крепости, разве только вчетвером вынесут тебя!»

Вступив (в ограду) крепости, в северной ее части приискали маленький и темный домик и водворили туда святую. Цепи, наложенные ей на шею, так и остались на ней. Безбожный Варскен запечатал их своей печатью. Тогда святая Шушаник произнесла: «Я рада здесь страдать, чтобы там упокоиться». На это *питиахи* сказал ей: «Вот, вот, упокойся!»

Затем приставил он к ней стражу и дал наказ, уморить ее голодной смертью. Он сказал стражам: «Я заявляю вам,—если кто-либо войдет к ней, мужчина или женщина, то увидите, что будет с вами, с женами и детьми вашими, с домами вашими. Я не буду повинен в расправе, которая ожидает вас». Сказав это, *питиахи* покинул крепость.

Х

В третье воскресенье он вызвал к себе одного сторожа и стал его спрашивать: «Жива ли до сих пор эта несчастная?» Сторож ответил ему: «Господин, она кажется ближе к смерти, чем к жизни. Она скорее умрет от голода, ибо не принимает никакой пищи». Тогда *пйтиахи* сказал: «Не тревожься, пусть она умирает».

[22] || Я много упрашивал стража (впустить меня к ней), обещал подарить ему оружие, для него подходящее. Он с трудом решился впустить и сказал мне: «С наступлением ночи приходи ты один». Когда же он впустил меня, я увидел ее — агницу божью, чудно украшенную, как невеста*, узами. И так как сердце мое не выдержало, я навзрыд заплакал. А святая Шушаник сказала мне: «Из-за счастья ли моего плачешь, наставник?» Тогда страж заявил мне: «Если бы я знал это, не впустил бы тебя». Я высказал Шушаник все, что бог помог мне высказать, чтобы укрепить ее, и, покинув ее, спешно вернулся в свое жилище.

Скоро *пйтиахи* отправился в Чор²¹. Джоджик, брат, его, находился в отлучке, когда все это происходило с Шушаник.

А как только вернулся к себе (и узнал о происшедшем), он погнался вслед за *пйтиахшем* и настиг его на границе *h*Ерети. Джоджик настойчиво просил его облегчить Шушаник от уз. Наконец, *пйтиахи*, так как ему надоели эти просьбы, велел снять с нее только узы.

Джоджик вернулся назад и, войдя к Шушаник, снял у нее цепи с шеи. Зато она не пожелала, чтобы с нее снимали и оковы. Она хотела остаться в них до самой смерти.

А прожила она в той крепости полных шесть лет, процветая божественными правилами, и проводя время в посте, бодрствовании, стоянии, неустанных коленопреклонениях, неутомимом чтении книг. Она озарила и оживила всю темницу звучанием своих духовных гуслей.

ХІ

С тех пор прославились ее подвиги по всей Картли. Приходили к ней (из разных концов) мужчины и женщины принести жертву в исполнение обета и, благодаря священным молитвам блаженной Шушаник господь человеколюбивый даровал каждому то, кто в чем испытывал нужду: бездетным — чадо, хворым — исцеление, а слепцам — прозрение.

|| Была одна персиянка, огнепоклонница, страдавшая проказой. Она посетила святую Шушаник и та стала увещевать, чтобы она оставила огнепоклонство и стала христианкой. Женщина согласилась исполнить это незамедлительно. Шушаник поучала ее и говорила: «Отправляйся в Иерусалим и исцелишься от проказы». Та, с усердием уверовав, отправилась в путь с именем бога нашего Иисуса Христа, и излечилась от недуга. Возвратившись назад с великой радостью, она навестила святую Шушаник и принесла ей благодарность, а после отправилась домой к себе, торжествуя по поводу своего исцеления.

ХІІ

Святая Шушаник оставила вязание из шелков, с большим рвением взялась за псалтырь и, за немного дней заучив наизусть все сто пятьдесят псалмов, днем и ночью с плачем воспевала всевышнего бога.

Тем временем блаженной Шушаник сообщили: «(*Пйтиахи*) обратил твоих детей в веру магов»²². Она стала возносить молитвы богу с великим плачем, биться головой о

* Срв. Откр. Иоан. 21, 2; Исх. XLIX, 18 и LXI, 10.

землю. Она сказала со вздохом: «Благодарю тебя, господи боже наш, потому что они были не мои, они были даны мне тобой. Как угодно тебе, да будет воля твоя, господи. И защити меня от рук вражьих».

(Когда в следующий раз) зашел я к ней, видел ее изнуренной и осунувшейся от плача. Пища, которая была прислана святым епископом, (оставалась нетронутой). И лишь после того, как я стал настаивать на этом, она чуть попробовала ее, и мы благодарили бога. А дети ее, которые до последнего времени приходили навещать ее, после обращения (в огнепоклонство), после того, как они отвергли бога, и не смели показываться; ей противно было слышать даже имена их.

XIII

[24] || Спустя некоторое время, *питуахи* прислал людей сказать ей: «Вернись во исполнение воли моей, во дворец; не вернешься в свой дом, так отправлю тебя на осле в Чор или ко двору». А святая Шушаник послала ему такой ответ: «Несчастный и безрассудный! Если ты меня отправишь ко двору или в Чор, как знать, там возможно, на мою долю выпадет лучшая участь, уйду от зла, которое здесь терплю». (Получив такой ответ,) *питуахи* сильно задумался над ее словами — «возможно, на мою долю выпадет лучшая участь». (Он сказал себе): «А вдруг она там станет женой какого либо князя». И с тех пор прекратил слать к ней людей. Между тем, святая Шушаник имела в виду, что ее здесь терзали, что ей приходилось столько претерпевать; она лишь хотела быть угодницей божьей.

(Не успокоившись), *питуахи* избрал ее молочного брата²³ и ему поручил привести ее во дворец.

Но когда посланец обратился к ней со словами: «Внемли моему совету, вернись во дворец, не разрушай дом ваш», то святая Шушаник ответила ему: «Передай тому безбожнику,— ты меня убил, ты мне сказал: «живой не выйдешь из крепости». Теперь же, если можешь воскресить мертвую, то воскреси сперва свою мать, которая погребена в Урде²⁴. Если же не можешь ее воскресить, то и меня не сможешь ты вывести отсюда, разве только силой вытащишь». Когда эти слова были переданы *питуахиу*, то он произнес: «Я действительно сказал так».

На следующий день некий муж зашел к святой Шушаник и сказал ей: «Ты хорошо ответила ему. Он таким способом думал обмануть тебя. Он совсем другое имел в мыслях, он замышлял зло против тебя».

А святая Шушаник на это ответила: «Не думай, что бог спит^{*}. Он-то вкладывает готовый ответ в уста человека. Сам господь говорит: «Я буду отвечать за вас»^{**}.

XIV

В исходе шестого года ее пребывания в темнице ею завладел недуг — следствие чрезмерного неутомимого труженичества. Об этом я предупреждал, говоря ей: «Не напрягай своих сил чрезмерно, потому что изнуришь свою плоть, она не выдержит, ты потеряешь способность творить добрые дела, до этого тебя доведут столь строгий пост, постоянное стояние, труженичество, заполняющее каждую ночь, чтение псалмов, песнопения». Она не давала своей плоти ни малейшего покоя. Так она истаяла, превратилась в пепел.

[25] || За все эти шесть лет в продолжение всех пятидесяти дней каждого предпасхального поста она не садилась ни днем, ни ночью, не засыпала, не принимала и пищи никакой; только в воскресные дни приобщалась плоти и крови Христа, бога нашего,

* Сrv. Псал. 120, 4.

** Сrv. Лук. 12, 12.

и принимала лишь немного травяного отвара — и того немного, — а хлеба совсем и не пробовала до наступления пасхи.

С того дня, как ее заточили в крепость, она не опускала головы на подушку, под голову клала только кирпич, а тюфяком ей служил ветхий войлок. Для постороннего глаза в изголовье держала она грубошерстную подушку. А для совершения земных поклонов подстилкой ей служил кусок дерюги. И копошилось невообразимое количество блох и вшей там.

(В той местности, где это происходило,) в летнее время как огонь жжет палящее солнце, дуют знойные ветры, вода вредоносная, отчего жители той местности подвержены всяким болезням, пухнут от воды, все желтолицы, тщедушны, осунувшиеся, чесоточны, с лицами обезображенными от кожных болезней; потому и жизнь их краткодневна, так что в той стране стариков и не встречается. Вот в такой крепости (Шушаник) пребывала в заточении шесть лет, славя бога, обремененная тяжелыми узами.

XV

Когда наступил седьмой год, тело святой, трижды блаженной Шушаник покрылось язвами. От неутомимого труда у нее отекали ноги, местами гноились раны. Язвы были большие, на них появились и черви. Она снимала их своей рукой и показывала мне, вознося в то же время благодарение богу. Она сказала мне: «Наставник, не считай это тяжелым испытанием, потому что там червь — еще больше, и он к тому же не умирает»^{*}. Когда я увидел червя, меня охватило безграничное горе и сильно заплакал. А она сказала мне со всей строгостью: «Наставник, почему ты огорчаешься? лучше быть съеденной этими, умирающими, червями здесь же, в этой жизни, чем там — теми, неумирающими». Я ответил ей: «Малой ли жертвой зачтется тебе, что ради самоистязания носишь власяницу? И ты рада, что теперь появились еще черви!» Тогда она стала меня упрашивать: «При моей жизни никому не говори про власяницу, так как скоро придется мне оставить жалкую эту мою плоть».

Действительно, внутри она носила на себе власяницу, о [26] чем, || кроме меня, никто не знал; только поверх его, напоказ людям, одевала антиохийский *палекарт*²⁵.

XVI

Когда до слуха Джоджика дошла весть, что блаженная царица святая Шушаник близка к смерти, отправился к ней, взяв с собой жену, детей, а также рабов и рабынь своих. Так, прибыл он в крепость повидать блаженную мученицу Шушаник. Достигнув крепости, ему силой пришлось пройти к Шушаник. Здесь поклонился честному кресту и приветствовал ее. Присевши около нее, стал спрашивать ее о болезни. Она ответила: «Мне так хорошо, как это угодно богу. Но я тоже отойду в путь, в который отходят все».

(Услышав это), Джоджик немедленно поднялся. Он стал исповедоваться ей в своих прежних непорядочных поступках, говоря ей с мольбой: «Невеста и раба Христова! Моли бога о прощении мне множества моих грехов». А святая Шушаник ему ответила: «Если ты, по молодости, не совершал и других прегрешений, то да простит тебя бог». Джоджик сказал ей: «Я ради того и явился к тебе, чтобы (дать обет), впредь не творить ничего такого, что было бы негодно богу». Тогда сказала ему святая Шушаник: «Если ты так будешь поступать, то будешь для меня бессмертен, в силу этих твоих слов. И да умножит бог дни твоей жизни».

После этого, так как Джоджик заметил, что святой в этот же день предстоит расстаться со своей плотью, он сказал ей: «Благослови меня и жену мою — рабу твою,

* Срв. Марк., 9, 44.

детей моих, рабов и рабынь моих. Если мы согрешили перед тобой как люди, живущие преходящей жизнью, возлюбившие сей мир, то прости нас, не помяни моего бездействия». А святая Шушаник сказала Джоджика и его жене: «К моей участи вы отнеслись с пренебрежением. Не нашелся человек, который имел бы ко мне жалость и сострадание, который наставил бы безбожного земного моего мужа». Они ответили: «Без тебя мы положили па это великий труд, но (он не хотел) ни слушать, ни говорить». Тогда сказала им святая Шушаник: «Пусть рассудят меня и *пйтиахша* Варскена там, где нет на суде лицепрятия, — перед судьей всех судей, перед владыкой всех владык; там, где не различают мужского пола от женского*, где я и он должны будем сказать правдивое слово перед господом нашим Иисусом Христом. И да воздаст ему бог** за то, что так безвременно снял мои плоды, загасил мой светильник и загубил мой цветок, затемнил красоту добродетели моей и унизил мое достоинство. || Пусть бог рассудит меня и его. Теперь я благодарю бога, так как, за страдания мне причиненные *пйтиахшем*, я могу обрести радость, что в награду за истязания и поношения, мною от него перенесенные, я найду покой. Я ожидаю милости от бога моего Иисуса Христа за то, что терпела безрассудство и безжалостность *пйтиахша*».

Каждое ее слово заставляло их горько плакать. Они сказали ей: «Прости нам грехи наши и благослови нас, святая мученица и страдальца, вожденная Христова!» А святая Шушаник ответила им: «Да простит вам бог все то, что вы сотворили». И тогда она благословила Джоджика и жену и детей его, рабов и рабынь его, весь двор и дворец его. Она завещала им идти путями господними, говоря: «Вся наша жизнь преходяща, она не постоянна как цвет полевой***. Кто посеял, тот пожал****, кто расточал в пользу бедных, тот стяжал; кто отдал душу свою, тот обретет ее,***** — (это сказано о тех), кто возвеличил его». С этими словами она их отпустила с миром.

XVII

Засим, после Джоджика, прибыли к ней глава епископов Самуил и сослуживец его епископ Иоанн, которые всегда укрепляли ее духовно и премного потрудились ради нее, вместе со своими домочадцами пребывали около нее, готовые как рабы услужить ей; соучаствовали в ее труде, разделяя ее заботы. (Теперь же) они с благодарностью готовили ее в путь в пристань Христову. Таким же образом явились *азнауры* великие, царственные женщины, родовитая знать и простолюдины со всей страны Картли. Они тоже, перед тем усердно принимавшие участие в ее богоугодных трудах, теперь напутствовали ее, доблестного борца, молитвами ко Христу.

Эти епископы и *азнауры* все вместе просили ее об одном: чтобы она велела признать оковы с ее ног священными и подлежащими хранению для всех. Святая Шушаник на это сказала: «Кто же я такая, я недостойна! Но в меру вашего боголюбия, пусть священник исполнит это ваше желание. Какая же у меня сила творить добро? А потому, да преисполнит вас всеми благами сам преисполненный ими Христос, всех, принявших на себя труд явиться сюда, разделивших со мною эти мои страдания, скорби и терзания. Я же, возлюбленные мои, вот отхожу в предуготовленный путь вечный. Взамен этих скорбей Христос да даст мне радость, взамен этих терзаний — покой, [28] || за перенесенные мною избиения, терзания и оскорбления да будут уделом мне вечная слава и почести на небе».

Уходя от нее, люди, с полными слез глазами, возносили богу благодарение за одержанную ею победу. Наконец, все вышли из темницы и удалились.

* Срв. Галат. 3, 28

** Срв. II Тим. 4, 14.

*** Срв. Псал. 102, 15.

**** Срв. Галат. 6, 8.

***** Срв. Матф. 10, 39.

XVIII

Наступил и день ее призыва. Тогда она призвала к себе своего дворцового епископа Апоца и стала высказывать ему, как своему отцу и воспитателю, благодарность за проявленную им участливость к ней. Она препоручила ему и меня, человека грешного и убогого; препоручила ему и свои кости, завещав, сложить их в то самое место, откуда выволокли ее вначале. Она сказала ему: «Если я, последний, одиннадцатый работник в винограднике^{*}, достойна быть благословляющей, то говорю вам, — будьте благословенны во веки веков».

Воссылая благодарение богу, она произнесла: «Благословен господь бог мой, так как спокойно в нем легла и уснула^{*}». (С этими словами) она отдала свою душу богу, всех приветливо принимающему.

XIX

Тогда блаженный епископ Иоанн спешно достал пелены чистые, чтобы обвить ими святые и честные мощи ее, и мы подняли ее тело, утружденное, изъеденное червями, омыли его, смыли земных червей и гной и обвили пеленами. Затем, оба епископа, Иоанн и Апоц, как пара могучих, впряженных в ярмо волов, ценою небесных, и мы с ними всем собором, с духовными псалмами, с воженными свечами и с курением благовонного фимиама, подняли честные ее кости и перенесли в святую церковь. Погребли мы святые, преславные и чтимые мощи святой Шушаник в приготовленном для этого месте. Ту ночь, подобно ангелам, мы проводили в бдении, хваля на гусях Давида всемогущего бога и сына его господя нашего Иисуса Христа, который всемогущ на благо всех, ободряет и мужчин и женщин, дает всем своим силу свою побеждать сильных, всем тем, которые ищут его преданно.

XX

Начало страданий святой Шушаник приходилось на восьмой день, среду, месяца апниси²⁶; вторичное ее истязание — на понедельник, день следующий за пасхальным праздником; [29] || последующее ее истязание — на девятнадцатый день месяца роз²⁷, а кончина ее — на семнадцатый день месяца октября, день памяти святых блаженных мучеников Козьмы и Дамиана²⁸, четверг, который мы и определили в память святой Шушаник для прославления и восхваления бога, отца и сына, и духа святого, ему же слава во веки веков. Аминь!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Восьмой год царствования персидского царя Пероза (458—484) приходится на 465 г. Имя царя Пероза восстановлено по контексту.

2. **Питиахш**(иран.) — правитель крупной пограничной области. Второе лицо после царя в государственной иерархии древней Грузии.

3. **Аршуша** — питиахш Гугарети в середине V века. По сведениям армянского историка Лазара Парпеци, в 450 г. вместе с другими вельможами Грузии, Армении и Албании был вызван персидским царем Иездигердом II (438 — 457) в Ктесифон, обращен в маздеизм и там же оставлен в качестве заложника. После поражения восстания армян (451) Аршуша приютил семью своего свояка Ваһана Мамиконяна, одного из вождей армянского восстания.

4. Имеется в виду столица Персидской империи Ктесифон — на берегу Тигра.

5. **Спаспет** (ср. перс.) — военачальник. В оригинале «спайпет».

* Срв. Матф. 20, 6.

* Срв. Псал. 4, 9.

6. Вардан — из рода Мамиконянов, вождь армянского восстания 450 — 451 гг. Погиб в битве на Аварайрском поле в 451 г. Известен также под именами Вардан Великий, Вардан Храбрый, Вардан Красный.

7. Точнее было бы «Вардуни» или «Вардануни».

8. Собственное имя Шушан (греч. Σουσαννα) Происходит от сирийского названия (šōšan) лилии (Lilium).

9. Картли — центральная область Грузии. В описанный в произведении период, или чуть позднее, являлась самостоятельным царством, объединившим почти всю Восточную, Западную и Южную Грузию.

10. Иерети — восточная область Картлийского царства.

11. Азнауры — «знатные». Господствующий класс в раннефеодальной Грузии. Древнейшее значение этого термина — «свободные».

12. Раб — буквальный перевод грузинского социального термина «мона», который в письменных памятниках древней Грузии главным образом указывает на вассальную зависимость. В данном контексте не исключено значение «раб» в классическом смысле этого термина.

13. Селоград — в подлиннике «даба» (населенный пункт, селение). По всей видимости, при создании термина «селоград» (срв. греч. ἡχώρολις), переводчик опирался на сообщение армянского историка X века Ухтанеса о том, что Цуртави, когда-то «населенная, обширная, большая и именитая столица», после превратилась в «уменьшенный и умеренный гюла-калак» (букв. село-град).

14. Цуртави — резиденция питиахшей и епископальный город Гугарети (Нижняя Картли). Точное месторасположение этого города в настоящее время неизвестно.

15. Атрошан — (иран.) — капище, храм огнепоклонников.

16. Кубаст — женская одежда из легкой ткани (И. А. Джавахишвили. Материалы к истории материальной культуры грузинского народа, III—IV, Тбилиси, 1962, с. 98, 178 —179 (на груз. яз.); И. В. Абуладзе. Словарь древнегрузинского языка, Тбилиси, 1972, с. 204).

17. Епископ Самуил — архиепископ Картли. Упомянут в сочинении армянского историка Корюна «Житие Маштоца».

18. Иоанн — предположительно епископ Цуртавской епархии.

19. Гунны — в нарративных источниках закавказских стран гуннами (нонами) называются как жители Гефталитского государства, так и некоторые кавказские племена тюркского происхождения.

20. По сообщению Ухтанеса, Шушаник была заключена в Упретскую крепость.

21. Чор — проход и крепость вблизи Дербенда.

22. Маг (груз. могви) — служитель зороастрийской религии.

23. Грузинский термин „ძუძუსმტე“ (дзудзусмте) может означать как «молочного брата», так и «молочную сестру». Нам кажется, что в данном контексте подразумевается именно молочная сестра (см. Введение, с. 19).

24 Урд — епархиальный центр под таким названием на территории Армении указывается в «книге посланий» (с. 60), в связи с событиями начала VII в. Неизвестно, входил ли он во второй половине V в. в состав Гугаретского питиахшества, или же мать Варскена была похоронена на своей родине. Не исключено также и случайное созвучие двух разных топонимов.

25. Палскарт (иран.) — верхняя одежда из драгоценной ткани (См. И. А. Джавахишвили, Материалы к истории материальной культуры грузинского народа, III—IV, с. 98—99).

26. Аписи — древнегрузинское название месяца января.

27. Месяц роз (вардобис-тве, букв. месяц цветения роз) — девятый месяц (май) года по древнегрузинскому календарю.

28. Козьма и Дамиан—христианские мученики при императоре Диоклетиане (284—305).

«THE PASSION OF SHUSHANIK» BY JAKOB THE PRIEST

S u m m a r y

«The Passion of Shushanik» is the earliest extant monument of original Georgian literature. It was written at the 470s by Jakob the Priest who served at the court of the pitiaxsh, i. e. ruler, of Gugareti, a frontier province of Georgia.

The «Passion» has come down to us in two versions: Georgian and Armenian, each language version of the work has been preserved in two redactions — all based on a long Georgian version written by Jakob the Priest; the oldest MS dating from the tenth century. The extant text is slightly defective, with some indications of later redaction.

The present publication in Russian of the extensive version of Jacob's «Passion of Shushanik» was translated by the late Professor V. Dondua, an eminent Georgian student of Caucasian history. The translation is based on the text critically established by Prof. I. Abuladze (in 1938).

The «Passion» describes the tragedy in the family of the pitiakhsh of Kartli — narrated against the background of the political and ideological relations between Georgia and Iran in the 60 — 70s of the fifth century. The following is the plot in brief.

In order to court favour with the king of Persia and thereby gain full independence for his province from the king of Kartli Varsken, a Kartli pitiakhsh, renounced Christianity and embraced Zoroastrianism. His wife Shushanik took her husband's act as betrayal of the faith of their sires and country. She' disobeyed her husband's will and left the palace to live in seclusion. The conflict between husband and wife lasted eight years. Varsken tried by every means to induce his wife to return to his family, but in vain. Finally, the desperate husband tortured her cruelly and put her in prison, where she died through long fasting and exhaustion.

Shushanik was Armenian by descent — the daughter of Vardan Mamikonian, hero of the 451 Armenian uprising against Persia. She spent most of her life in Georgia, where she died as a martyr and was buried. For the Georgians the Armenian woman became a symbol of Georgia's national independence and dedication to Georgian religion. Therefore the Georgian Church reckoned her among its national saints.

«The Passion of Shushanik» is a masterpiece of medieval Georgian literary thinking. The fact that hagiographic writing in fifth-century Georgia was still in its teens and the characteristic stereotypes of the genre had not yet been established allowed for less rigidity in expression, this enabling Jakob the Priest to attain a high literary and historical veracity. The language of the work is singularly natural, laconic and couched in stylistically impeccable Georgian. Unfortunately, the translation must inevitably fail in conveying fully the moderate expressiveness of phrase and implication of the original.

The narration is in the first person, the reader always being aware of the author's visible or invisible presence. The abundance and exactness of personal details, genuineness of emotions, correct chronology, clarity in the description of the environment and situations — all this indicates that the description of the passion of Shushanik from the standpoint of a witness is not only a literary device for Jakob the Priest. He was in fact a witness and participant of Shushanik's life. This not only enhances the reader's confidence in the work; it also involves him in the plot, making him experience the tragedy of the characters with the same intensity as felt by Jakob himself.

The high artistic level of the work, the clear-cut individuality and straightforwardness of its characters, and lack of metaphrastic features point to its authenticity. Its high literary standard suggests also that Jacob's could not have been the first literary work in Georgian literature.

The importance of the «Passion of Shushanik» for Georgian studies does not end with its perfection of form. The facts and relations described in it are exact historically, permitting the historian to use Jacob's work as a primary source in the reconstruction of the earliest stage in the feudal period of Georgian history. It contains ample material for the study of Georgia's political, social, and ideological developments, the structure of the Church and feudal houses, family life, common law and other questions in the second half of the 5th century.